

Напарнич Владимир
арт певец

1985

СМЕНА 1985, 31 окт.

ЕСТЬ роли, которые даются без видимого труда. Актеру, певцу не приходится длительно вживаться в образ, разгадывать натуру своего героя. Чтобы герой ожил, артист просто должен быть самим собой. Такое бывает редко, ведь для этого нужно, чтобы исполнитель и персонаж совпали в главном — в отношении к миру. Но если это все-таки случилось, значит — удача. Роль становится не просто любимой, она, подчас на годы, определяет облик артиста.

(артист в театре с 1980 года), отмечены заразной живостью характеров и душевной теплотой.

Альмавива в «Севильском цирюльнике» Дж. Россини, не роняя ни своего графского достоинства, ни возвышенных чувств к Розине, тем не менее с безудержным задором включается в буффонаду и получает чисто детское удовольствие от мистификаций и переодеваний. Антонио в комической опере Т. Н. Хренникова «Доротея» пробирается сквозь ус-

себя.

В партиях, спетых в Малом оперном, кроме природного артистизма проявилось другое важнейшее качество Напарина — преданность музыке. Показать себя, щегольнуть высокой нотой, подать свой выход, как отдельный сольный номер, рассчитанный на аплодисменты, как это частенько бывает у премьерствующих молодых певцов, — все это чуждо Напарину. Задача артиста в том, чтобы в целостности пронести мысль, заложенную

Роль как нельзя лучше подошла Напарину. Альберт — честный и простодушный малый, трогательный в своей нерешительности. Напарин пел с такой вдохновенной легкостью, что многие задумались: не случайна ли такая удача? Способен ли певец и дальше работать на таком уровне? Но когда через год на следующем фестивале Напарин спел партию Квинта в опере Б. Бриттена «Поворот винта», стало ясно, что выбор Рихтера был точен. Выдающийся му-

нение «Поворота винта» в Ленинграде и Киеве. Какие впечатления вынес Напарин из этой сложной и почетной работы?

— Как-то в перерыве одного из спектаклей, — рассказывает Напарин, — Святослав Тесфилович Рихтер спросил у меня: «Ну как идет?» — «Какжется, хорошо принимают», — ответил я. «При чем тут принимают?» — возразил Рихтер. — Я спрашиваю о музыке». Вот в этих словах Рихтера, как мне кажется, суть того, к чему мы все должны стремиться. В общении с Рихтером главное даже не конкретные советы, хотя они бесценны, а сам его пример, пример того, как надо думать только о музыке, и еще раз о музыке, и больше ни о чем.

Скоро мы сможем услышать пластинку с записью «Поворота винта». Работа над ней началась в сентябре. Среди планов Напарина на новый сезон выступление с камерной программой в Малом зале Филармонии. Камерная музыка — это та область, где от Напарина с его тонкой фразировкой, четкой дикцией, разнообразной динамикой всегда ждешь умного и одухотворенного исполнения.

А через несколько дней — премьера в Академическом Малом театре оперы и балета. Главный режиссер театра С. Л. Гаудасинский, под руководством которого Напарин работает в театре с первого дня, осуществил новую постановку оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Владимир Напарин будет петь партию Ленского. Каким певец представит нам своего героя сейчас? Сдержанным или романтичным? Взрослеющим или еще более молодым? Пока что с уверенностью можем сказать только о том, что останется неизменным: это душевная щедрость Владимира Напарина и его доверие к музыке.

И. ГОРДОН,
музыковед

НА ВЫСОКОЙ НОТЕ

Владимиру Напарину повезло. Он встретился с таким героем в самом начале творческого пути. Семь лет назад, в Оперной студии Ленинградской консерватории. Напарин спел партию Ленского в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин», спел с обезоруживающей искренностью. Его Ленский жил на сцене по-мальчишески безоглядно. Импульсивный, безудержный, он был трогательно беззащитен в своей эмоциональной распахнутости. В каждой его интонации, в каждом жесте, взгляде, наполненных то нежностью, то отчаянием, прочитывались обостренное чувство добра и зла, юношеский максимализм. Голос певца казался созданным для этой партии. Его светлый тембр усиливал обаяние молодости Ленского. Молодости, в которой не было ни тени предчувствия близкой гибели. И от этого нелепая смерть воспринималась еще острее и трагичнее.

Партия Ленского стала большой удачей Напарина. Она раскрыла певца эмоционально и, несомненно, сказалась в том, что герои его, сыгранные после, уже в Академическом Малом театре оперы и балета

ловные перипетии сюжета с подчеркнутой ласковостью. Герои Напарина способны испытывать радость не только при достижении цели, но и от самого преодоления препятствий. Артиста радует неумная энергия его персонажей, и, усиливая их активность, он утверждает их главные свойства — истинность чувств и нетерпеливое стремление к счастью.

Альфред в опере Дж. Верди «Травиата» несет заряд обостренной душевной чуткости Ленского. Столь же резкая смена настроений, полярность переживаний — или «вершина счастья», или «пропасть отчаяния». Но в отличие от Ленского Альфред — это персонаж, который проживает драму до конца и по ходу драмы меняется. История Альфреда, «рассказанная» Напариним, это не только трагедия любви, но и процесс становления личности. Беззаботно влюбленный повеса — таким мы видим его вначале, Альфред от первого удара судьбы теряет способность управлять собой, видит мир только сквозь свою обиду и свою боль. Но, ошибаясь, страдая сам и мучая других, он постепенно преодолевает

композитором, подчинить свое понимание роли общему замыслу. Не случайно самое важное для Напарина в оперном спектакле — ансамбли. Ведь именно в них, в прямом взаимодействии персонажей, лучше всего удается раскрыть суть происходящего. Напарин любит работать в ансамбле. Он чуткий партнер, способный увлечь за собой и, что еще важнее, умеющий слушаться, если реплика собеседника драматургически важна. Он доверчив и внимателен в живом общении, особенно с такими партнерами, которые, как и он, владеют даром импровизации и способны с ходу понять и дополнить замысел друг друга.

1983 год принес певцу особые волнения. В Москве в Музее изобразительных искусств имени Пушкина по инициативе С. Т. Рихтера проводили первый фестиваль «Декабрьские вечера». В. Напарин получил приглашение, которое сделало бы честь любому прославленному артисту, — спеть главную партию в опере Б. Бриттена «Альберт Херринг». В подготовке оперы и в ее исполнении участвовал и сам Рихтер.

зыкант предугадал возможность молодого певца.

Роль требовала не просто перевоплощения, но полной психологической перестройки. Певцу, до этого имевшему дело почти исключительно с героями, всем сердцем стремившимися к добру, предстояло вжиться в образ Квинта — злого призрака, который искушает и губит двух детей. Кроме того, Напарин — артист, для которого движение — не менее важный атрибут игры, чем вокал. А Квинт — невидим, он не присутствует на сцене. Только голос зовет откуда-то из-за кулис с притягивающей силой внушения. Напарин спел партию блестяще. Голос умолял, грозил, предостерегал. Его звучание — от бесплотного до окрашенного странной дурманящей чувственностью — обволакивало, и Квинт, невидимый, был одновременно всюду, почти физически заполняя сцену. В опере участвовали мастера с большим опытом исполнения современной музыки — Галина Писаренко, Нелли Ли, — и Напарин был по-настоящему достойным их партнером.

И вот позади выступления на «Декабрьских вечерах», испол-